

«Комсомольская правда»
24 дек. 1977 г. № 299

СОЮЗ УМА И СЕРДЦА

ФАДЕЕВ всегда жалел, что написал очень мало. Мучился из-за этого. Особенно в последние годы.

Он называл себя автором всего лишь двух книг.

Все знали, что это не так. Удивлялись его скромности. Мучительной, несправедливой. Но, впрочем, — и возвышающей художника. Ибо это значило, что Фадеев жил энергией и решимостью человека, еще не написавшего своей лучшей книги. Поэтому все, что, по его мнению, было сделано им ниже возможного и заветного предела, Фадеев вычеркивал.

Много лет не выходила повесть «Разлив» — по-юношески цветная и красочная. Слабая, ученическая, — оценил он. Не переиздавалась повесть-дневник, повесть-документ «Ленинград в дни блокады». Однако для нас это произведение остается в списке наиболее честных и страстных книг о блокадной трагедии.

Итак:

первое после смерти собрание сочинений А. А. Фадеева вышло в пяти томах;

второе — в семи.

Совсем недавно издательство «Художественная литература» выпустило книгу, главный раздел которой — «Неизданный Фадеев. Доклады. Выступления. Письма».* Горизонты фадеевского творчества вновь раздвинулись. Его диалог с временем, умный и возвышенный, обогащенный новыми мыслями, интонациями, фактами. Начато создание летописи жизни и деятельности писателя. Сборник подготовлен тщательно, с обширным научным комментарием, дополнен статьями ученых.

Многие выступления Фадеева в этой книге можно назвать рабочими вариантами известных теоретических статей, рецензий, литературных очерков. В них Фадеев идет к точной оценке, верным определениям, еще загруженный множеством подводящих, вступительных слов. Аудитория как бы просмат-

Размышления над книгой «Неизданный Фадеев»

ривает документальный сюжет ищущей, противоречивой мысли, почти физически ощущая движение к неожиданной и смелой глубине, к энергичному взлету только что найденного решения.

Здесь есть неточности. Полемические излишества. Частные заблуждения. Однако понимаешь: эти «недостатки» во взглядах А. Фадеева — теоретика — необходимые звенья, важные моменты движения мысли, неутомимой в уточнениях, комментариях, поисках истины и «ясного отношения к предмету, ясности позиций, ясности требований». Он подчеркивал: «Нет ничего хуже «фигуры умолчания».

Адреса исходных позиций Фадеева — теоретика — его произведения: «Разгром», «Последний из удэге», «Молодая гвардия»...

В одном из выступлений военных лет Фадеев говорил о писателях («их немного» — подчеркивал он), которые в годину испытаний надеются высидеть в тишине кабинетов, «а потом, когда все выяснится, вылезти из-за угла и создать «нечто значительное».

И далее, гневно и страстно, он спрашивал: «Если в грозную годину для твоего народа не льется из твоего сердца кипящее слово, какой же ты художник? Кого ты сможешь прославить или заставить вознестись лирой своей? Где возьмешь ты пламень чувства и силу разума, если жизнь и борьба лучших людей народа на самом высоком гребне истории пройдет мимо тебя? Нетрудно увидеть в этих волнующих, жгучих вопросах-призывах эмоциональное состояние души Фадеева — художника военной поры, творца «Молодой гвардии».

ПО ХАРАКТЕРУ Фадеев — человек стремительной жизни.

Он мог с ходу, мгновенно взять самые крутые творческие высоты. Вся история создания «Молодой гвардии» — учащенная хроника воодушевления и порыва. Роман ведь сошел к читателю с газетного листа «Комсомольской правды».

«Сейчас я настолько

«влез» в повесть, — писал он о «Молодой гвардии», — и отдаю ей столько душевных сил, что не могу заставить себя заняться ничем другим». Здесь важны слова: «ничем другим».

Но он же — нескончаемо долго, вечным, подчас усталым путником, непрерывно отвлекаясь в житейскую суету, шел за героями «Последнего из удэге». Замысел романа ветвился, перегруженный деталями. Фадеев мучился от того, что вязнет в подробностях, как в песке.

Время пронеслось, опережая рабочие темпы писателя. А ведь не в его характере тянуться где-то в обзоре у времени. Он делает, кажется, невозможное: роман о гражданской войне открывает всей громаде современной жизни — возвышенному и прекрасному, сложностям и противоречиям, трагедии и мечте. Он хочет написать о том, как социализм «стал уже личной жизнью каждого, заполняет собой все поры, все многообразие человеческой жизни».

Фадеев так писал: социализм «стал личной жизнью каждого». Для начала тридцатых — это скорее мечта, чем безусловная реальность. Точнее — движение истинной жизни к своему идеалу. По страницам второй книги, я бы сказал, пролетает мирная тень самолета — примета таежного пейзажа уже 30-х годов.

Он вглядывался в жизнь бесстрашно и правдиво. Но он же видел ее всегда чуть лучше, светлее, прекраснее. Любимыми глазами. В его книгах и суждениях будущее — не абстракция, а живой реальный факт, имеющий цвет и форму, как яблоко в саду Мичурина.

Иногда возникает такое ощущение, что Фадеев прямо выходит к событиям, впечатлениям наших дней — в жизни, в литературе — и говорит: «Вы представляете себе, что такое дальневосточный край в перспективе развития страны через десять лет? Там сейчас растут новые города, например, Комсомольск — на Амуре. Я уверен, что в месте выхода Байкало-Амурской железнодорожной магистрали на Тихий океан тоже будет огромный мировой порт...

Нам нужен романист такого типа, который бы весь этот сложный комплекс сумел бы охватить, чтобы его герои спокойно перелетали на самолете через Тихий океан, чтобы художник смелой кистью изображал новые города... мог свободно перебрасывать место действия...

В размышлениях над жизнью и романом вызрела мысль о художественном синтезе. О философской ветви в литературе, о писателе, как он говорил, с широким интернациональным образованием. Здесь Фадеев «предугадал» общие контуры нашей современной прозы, поиски масштабной цельности и полноты человеческого бытия у Ю. Бондарева, Ч. Айтматова, И. Авижюса и других.

ВЫСТУПЛЕНИЯ. Письма, размышления Фадеева над судьбой «Последнего из удэге», в том числе и только что опубликованные, можно было бы издать отдельной книгой. Получился бы учебник, по которому молодой писатель учился бы творческой честности, долготу, беспощадному труду над словом, над мускулатурой стиля, смелому полету мысли, социальной остроте замысла.

Подобные «стыковки» теоретических исканий Фадеева с современностью множатся непрерывно.

Поэтому — всего лишь два примера.

Еще нередко из побочных, «цеховых» соображений тот или иной стиль возводится в степень абсолюта, хорошая книга представляется читателю как главная, а живой писатель — идеалом художника. Под этим взором все движение литературы колеблется приливами и отливами к излюбленной форме. Досадно, что вызывается это не зазором и увлеченностью, а как раз излишним пристрастием к конструкциям и схемам.

«Люди наввно думают, что они могут обмануть действительность», — говорил Фадеев по адресу подобных упрощений: «Почему я должен походить на этого вашего выдуманного идеального писателя? Мне скучно с ним одним — ведь все кругом не так пишут, а как этот идеаль-

ный писатель пишет, я не знаю».

Или другое явление, тоже бытующее еще: увидеть в творчестве писателя однажды проявленную особенность и потом упорно судить о нем только по этой черте. А писатель, если это серьезный художник, — ищет, растет, движется, может быть, даже отрицая прежний художнический опыт. «Скажите, пожалуйста, — удивлялся Фадеев, — зачем пришивать какому-либо поэту раз навсегда какие-то творческие особенности, в то время, как мы должны использовать весь имеющийся опыт, чтобы у нас получилась и лирика полнокровная, и эпическая поэзия настоящая?...

Идея многообразия творческих исканий в социалистическом искусстве буквально выстрадана Фадеевым. Была его партийной страстью. На это он не жалел ни сил, ни здоровья и радовался единомыслию писателей и критиков.

В феврале 50-го года Фадеев беседовал с Константином Симоновым, в то время редактором «Литературной газеты». Эта беседа застенографирована, и жалко, что она не вошла в новый сборник, ибо значение ее принципиальное. В разговоре с Симоновым Фадеев набрасывает схему-план статьи, которую ему бы хотелось видеть в газете и где бы широко, «с большой программой» был поставлен вопрос о том, что советскому искусству «предоставлены тысячи возможностей для развития идей».

«Верно то, — говорил Фадеев, — что без знания, изучения конкретной жизни, реальной жизни, без связи с действительностью поэзия не может развиваться, но знание жизни еще не означает, что она должна быть изображена в бытовой манере...»

К. Симонов по-деловому реагировал на эти размышления Фадеева. Сошлось на стенограмму. Симонов обозначен в ней инициалами: «К. М.».

«К. М.: Статья под названием «Больше поэтов хороших и разных». Признавая это утверждение на словах, некоторые люди, некоторые товарищи, на деле выступают против этого утверждения».

Вскоре К. Симонов написал статью «Хороших и разных»,

развив в ней идеи по плану А. Фадеева.

Самим же Фадеевым идея эстетического многообразия изложена в емких лаконичных формулировках в последней критической работе «Заметки о литературе». Неожиданность формы, говорил Фадеев, в повизне содержания, в жизненной истине. «Лишь бы за этим стояла правда» — вот где скрепляющий мотив его рассуждений о формах и стилях.

Известна влюбленность Фадеева в русскую классику. В предназначение русского советского искусства. Но в то же время и не было ни одного более или менее заметного факта во всей нашей многонациональной литературе, который бы прошел мимо Фадеева, который бы он не оценил, не поддержал, — не восхитился.

ФАДЕЕВ — человек судьбы прямой и честной. Судьбы, непременно летящей вверх, к творческой высоте. Романтизм души не признавал поражений. Помните: в «Разгроме» и в «Последнем из удэге» за часобами трудностей его героев все-таки ждет долина, залитая солнцем. Выход к радости успеха был и в «Разгроме», и в работе над «Последним из удэге» — этом объемном, еще не до конца раскрытом философском романе. И наконец — роман «Молодая гвардия». Наша народная книга.

Читаешь Фадеева, и будто захлестывают тебя волны сильного, поэтического настроения: «И потому, что сердце Старика работало неутомимо, как машина, а ноги стихийно, стремительно, мощно несли над землей послушное тело, и потому, что все его насыщенное волей и бегом существо напряженно рвалось к жизни, молило о жизни, цеплялось за жизнь, мельчайшими клеточками, фибрами, жилками, — он выдержал этот полуверстный пробег под огнем на вздыбленные кручи Алия. Это был пробег израненного зверя через чащу, бурелом, карчи. Но он вырвался все-таки на хребет... вырвался — взмыленный, изодранный и ярый, но живой!».

Все творчество Фадеева, его идеи и эстетика обращены к жизни. Пропитаны жизнью. И. ЖУКОВ.

* Александр Фадеев. Материалы и исследования. Ред. коллегия: Н. В. Волкова, Н. И. Дикункина, В. М. Озеров. «Художественная литература». М. 1977.